

Буддолог Оттон Оттонович Розенберг и Эстония

Мярт Ляэнеметс

На страницах истории переплетаются идеи и человеческие судьбы. Облеченные в слова идеи, которые порождают всё новые идеи и ведут человечество по пути вечного прогресса – видимая часть этой истории. Между тем, повседневная жизнь и смерть носителей и посредников этих идей – ученых и исследователей – остается по большей части невидимой. Идеи вечны, человек преходящ. Каждый, кто добавил свою жемчужину в эту духовную игру в бисер – неповторим в своей преходящести,

непревзойден в своем величии, трагичен в своей единичности.

Таковыми размышлениями счел я подобающим предварить данную статью об одном относительно малоизвестном у нас в Маарьямаа, но обладающем авторитетом основоположника среди ученых-востоковедов всего мира буддологе-японоведе-синологе Оттоне Оттоновиче Розенберге (1888–1919), который и по своему происхождению и по покрытым до последнего времени завесой тайны обстоятельствам своей смерти непосредственно связан с Эстонией.

Главной целью статьи является знакомство с некоторыми не опубликованными до сего времени архивными документами и несколькими оставшимися в тени забвения газетными материалами, которые должны убедительно доказать факт смерти Розенберга 26 ноября 1919 г. в Таллинне – обстоятельство, которое сознательно или бессознательно искажалось биографами советского периода¹. Но поскольку эстонским читателям жизнеописание Оттона Розенберга практически неизвестно², я хотел бы сначала познакомить их с важнейшими моментами его официальной, то есть признанной биографии – о чем, на самом деле, написано немало³.

Отто Карл Юлиус Розенберг (Otto Karl Julius Rosenberg, в русской традиции Оттон Оттонович Розенберг) родился 7 июля 1888 г. в Старой Лифляндии, в Фридрихштадте (со-

¹ Впервые я представил эти неизвестные русским востоковедам материалы в статье: М. Ляэнеметс, Новые сведения об обстоятельствах смерти О. О. Розенберга. – Буддизм России (Buddhism of Russia), № 33, весна 2000, с. 66–69.

² Короткая заметка об О. О. Розенберге вышла на эстонском языке в газете «Sõnumitooja», 1991, № 6 (42) в виде предисловия к эстонскому переводу первой части его знаменитой лекции «О мирозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке».

³ О жизни и деятельности О. Розенберга см.: С. Ольденбург. Памяти О. О. Розенберга. – Мысль. Журнал Петербургского философского общества, № 1/1922, с. 157–158; Stcherbatsky, Th. Biografische Skizze. In: Rosenberg, O. Die Weltanschauung des modernen Buddhismus im fernen Osten. – Materialien zur Kunde des Buddhismus. 6. Heft. Heidelberg, 1924. S. 44.47; Философская энциклопедия. Т. 4. Москва, 1967, с. 517; А. М. Пятигорский, О. О. Розенберг и проблемы языка описания в буддологии. – Труды по знаковым системам. 5. Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 284. Тарту, 1971, с. 423–436; Ю. Д. Михайлова, Выдающийся буддолог О. О. Розенберг (1888–1919). – Проблемы Дальнего Востока. № 3/1987, с. 87–96; Т. В. Ермакова, Формы буддийского мировоззрения в концепции О. О. Розенберга. – Буддизм в переводах. Альманах; Санкт-Петербург, 1993, с. 410–424; А. Н. Игнатович, О. О. Розенберг и его труды по буддизму. – О. О. Розенберг. Труды по буддизму. Москва: Мысль, 1991, с. 6–13; Китайская философия. Энциклопедический словарь. – Мысль, Москва, 1994, с. 261–262. О жизни и работах О. О. Розенберга на английском языке см.: Otto Ottonovich Rosenberg and His Contribution to Buddhology in Russia. Ed. by K. Kollmar-Paulenz and J. S. Barlow. Delhi, 1998 (2003).

временная Яуньелгава в северной части Латвии) в семье местного городского архивариуса. Вскоре семья переехала в столицу царской империи Петербург, где в десять лет Отто поступил в лютеранскую гимназию при церкви Святой Екатерины. Окончив в 1906 г. гимназию с золотой медалью, он стал студентом по китайско-маньчжурскому разряду факультета восточных языков Петербургского университета; через год он был переведен на китайско-санскритский.

В начале XX века востоковедение находилось на подъеме и, по сегодняшним меркам, в привилегированном положении. Это было следствием, с одной стороны, интересов России на Дальнем Востоке и в Средней Азии, требующих подготовки высокообразованных специалистов, а, с другой стороны, так называемой духовной атмосферы эпохи, которая характеризовалась повышенным интеллектуальным интересом образованной элиты к духовному наследию высокой культуры Востока.⁴ Этот интерес в культурном пространстве Запада стал пускать мощные корни еще в конце XVII века с появлением первых переводов и частично вызвал к жизни эпоху Просвещения.

Если взоры просветителей – учеников французского энциклопедизма во главе с Вольтером – были обращены главным образом на Китай и конфуцианство, то в начале XX века и на Западе и в России в фокусе интересов находился буддизм, мировоззрение и философия которого с самого начала полностью захватила и молодого студента балтий-

ско-немецкого происхождения Розенберга⁵.

В студенческие годы Розенберг отличался широтой интересов и выдающимися способностями к языкам. Кроме домашних немецкого и русского, усвоенных в гимназии латыни и греческого, он изучал в университете европейские – английский, французский и итальянский, а в связи со своей специальностью также и восточные языки – санскрит, китайский, тибетский, монгольский и японский. Его учителями были такие выдающиеся ученые, как Федор Ипполитович Щербатский (1866–1942), с которым у него в дальнейшем установились особенно близкие отношения, Александр Сталь-фон-Гольштейн (Alexander Staël von Holstein, 1877–1936), Алексей Иванович Иванов (1878–1937), Андрей Дмитриевич Руднев (1878–1958) и другие.

После третьего курса Розенберг провел в 1909 г. летний семестр в Боннском университете, углубляя свои знания санскрита у самого известного санскритолога того времени Германа Якоби (Hermann Jacobi, 1850–1937). Через год он завершает основной курс в Петербургском университете и остается стажером на той же кафедре санскрита, подготавливаясь к профессуре и преподавательской деятельности. В то же время углубляется его интерес к Японии, нашедший поддержку со стороны университета. В 1911 г. Розенберга снова отправляют на полугодовое повышение квалификации в Германию, на этот раз в Берлин, в Семинар восточных языков, где он под руководством профессора Рудольфа Ланге (Rudolf Lange, 1850–1933) углубленно изучает японский.

⁴ И тот, и другой аспект красочно освещены в воспоминаниях академика Николая Иосифовича Конрада (1891–1970), учившегося в одно время с Розенбергом на восточном факультете Петербургского университета: Когда и как я стал востоковедом? – Народы Азии и Африки, 1967, № 5, с. 237–241. Эта статья опубликована и на эстонском языке: «Kunagi ja kuidas sai minust orientalist.» (N. Konrad. Ajaloo mõttest. Tallinn, 1987, lk 9–16).

⁵ Интересно отметить, что по своим научным интересам Розенберг не являлся исключением среди своих соотечественников – балтийских немцев. Если сравнивать число ученых-востоковедов балтийско-немецкого происхождения XIX–XX веков, оставивших свой след в истории науки, с мизерным общим числом балтийцев, то им, вероятно, следует присвоить звание самого интересующегося наукой о Востоке народа в Европе. Помимо Розенберга и Конрада, глубокий след в науке и истории мысли оставили индологи балтийского происхождения Роберт Ленц (Robert Lenz, 1808–1836), Леопольд фон Шредер (Leopold von Schroeder, 1851–1920), тибетолог и алтаист Виктор Розен (Viktor Rosen, 1849–1908), иранист и тюрколог Карл Залеман (Carl Salemann, 1849–1916), патролог и исследователь восточной церкви Адольф фон Гарнак (Adolf von Harnack, 1851–1934), индолог и буддолог Александр Сталь-фон-Гольштейн (Alexander Staël von Holstein, 1877–1936), тибетолог и алтаист Франц Антон фон Шифнер (Franz Anton von Schiefner, 1817–1879), философ граф Герман фон Кейзерлинг (Graff Hermann Keyserling, 1880–1946) и др.

По возвращении в Петербург Розенберга, на основании его личного заявления, переводят на стажировку на кафедру японского языка и литературы – со значительной по тем временам стипендией в 100 рублей.

Весной 1912 г. кафедра решает направить молодого талантливого стажера в Японию углублять изучение японского языка и культуры с тем, чтобы в дальнейшем он стал первым в Петербургском университете профессором японского языка и литературы. Розенберг с вдохновением приступает к этому заданию, в надежде воспользоваться уникальной возможностью одним из первых европейцев ознакомиться за время многолетней командировки с дальневосточным буддизмом в его исконной многовековой культурной среде.

И направившие Розенберга в Японию не обманулись. За неполные четыре года, проведенные в Токио, он по заданию университета ревностно углублял свои познания в японском языке, литературе, культуре и методике преподавания японского языка, а также интенсивно занимался проблемами буддизма, находящимися в сфере его непосредственных научных интересов. Скажем даже больше: в свой японский период Розенберг, сам того не зная и не предполагая, завершил труд всей своей жизни, поскольку, когда он вернулся летом 1916 г. в Петроград, ему оставалось жить чуть более трех лет.

В Токио были завершены и частично опубликованы два фундаментальных труда Розенберга, вошедшие в историю современной буддологии и китайской филологии. В них он выступает как первопроходец, автор новых идей и создатель оригинальной методологии. Первой была основополагающая работа по буддийской философии «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам», первая часть которой, содержащая лексикографический материал, вышла в свет в Токио в 1916 г., а вторая – «Проблемы буддий-

ской философии» – в 1918 г. в Петрограде.⁶ За эту работу осенью 1918 г. Розенбергу была присвоена степень доктора философии восточного факультета Петербургского университета. Насколько нам известно, у него была в целом готова и третья, самая объемная часть, которая должна была содержать сводный перечень всей китайской и японской литературы по буддизму с кратким содержанием, а также комментированный перевод философского буддийского текста Васубандху «Абхидхармакоша». Однако эта рукопись, очевидно, сгорела вместе со всем домашним архивом и библиотекой после бегства ученого из Петрограда.

Наряду с гигантской работой по исследованию буддизма Розенберг успел разработать новый, удобный в использовании и универсальный графический метод систематизации китайских и японских иероглифов. В течение долгого времени китайские, японские, а также западные филологи сталкивались с проблемой классификации и упорядочивания иероглифов в словарях и справочниках. Огромное, достигающее десятков тысяч, количество разной степени сложности графических знаков систематизировали и систематизируют по сей день, главным образом, по смысловым элементам или ключам и количеству входящих в состав знака черт, что довольно громоздко и требует для нахождения нужного знака, особенно у начинающих изучать китайскую письменность, очень много времени и сил. Далека от совершенства и применяемая в западных словарях систематизация китайских иероглифов по произношению на основе латинского или какого-либо иного алфавита.

За несколько десятков лет до Розенберга известный русский синолог Василий Павлович Васильев (1818–1900) выдвинул идею классификации иероглифов по простейшим графическим составляющим, начиная от правого нижнего угла знака.⁷ Розенберг развил

⁶ О. О. Розенберг. Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Часть I. Свод лексикографического материала. Токио – Петроград, 1916. Часть II. Проблемы буддийской философии. Петроград, 1918. «Проблемы буддийской философии» вышли в 1924 г. и в немецком переводе: Die Probleme des buddhistischen Philosophie. – Materialien zur Kunde des Buddhismus. 7/8 Heft. Heidelberg, 1924. Повторное русское издание вышло в 1991 г. в сборнике под редакцией А. Н. Игнатовича: О. О. Розенберг. Труды по буддизму. Москва, 1991, с. 43–295.

⁷ В. П. Васильев, Графическая система китайских иероглифов. Опыт первого китайско-русского словаря. СПб., 1867.

методику Васильева, составив «графический алфавит» из 24 простейших графических элементов, в свою очередь разделив их черты по направлениям на пять групп. По этой системе он смог классифицировать 8000 наиболее используемых иероглифов и опубликовал на японском и английском языках статьи, знакомящие с новой системой.⁸

В письме к Ф. И. Щербатскому⁹ Розенберг говорит, что открытая им система классификации иероглифов вызвала у японских педагогов и издателей словарей живой интерес. В последние месяцы своей жизни в Петрограде Розенберг совместно с Василием Михайловичем Алексеевым (1881–1951) работает над составлением и изданием японской лексикографии и большим многоязычным словарем иероглифов, построенным по новой системе. Однако сам он не дождался завершения работы, и она заглохла после смерти ученого.

Его гениальная система была успешно применена десятилетия спустя при составлении китайско-русских словарей и сегодня широко распространена под названием русской графической системы.¹⁰

Осенью 1916 г. Розенберг сдал магистерские экзамены и после успешных лекций *pro venia legendi* «Буддийские секты в Японии» и «Японская секта медитации дзен» с 1 января 1917 г. приступил к преподавательской работе на восточном факультете Петербургского университета в качестве приват-доцента.

Словно предчувствуя, что ему отпущено не слишком много времени, наряду с преподавательской деятельностью, Розенберг берет на себя всё новые обязанности. Он стал сотрудником Музея Азии, помощником хранителя этнографического отдела Русского му-

зея (бывшего музея Александра III), членом географического общества. В написанной в 1918 г. краткой автобиографии он, помимо буддийской философии, называет в качестве своих исследовательских интересов изучение буддийской иконографии и символики, систематизацию идеографических элементов японской письменности, психологию иероглифики, сбор материала для составления японской лексикографии.¹¹ К сожалению, в те смутные годы практически ни одна работа Розенберга не вышла из печати, большая часть рукописей погибла или пропала.

6 октября 1918 г. состоялась защита магистерской диссертации Розенберга, в которой он представил вышеупомянутый двухчастный труд «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам». Защита прошла блестяще, и с одобрения официальных оппонентов Ф. И. Щербатского и А. И. Иванова было принято решение признать работу достойной докторской степени. Таким образом Розенберг стал первым в Петербургском (Петроградском) университете доктором японского языка и литературы, что принесло ему через год профессорскую должность, на которой он, впрочем, практически не успел поработать.

Неофициальный оппонент диссертации, известный синолог В. М. Алексеев в своей рецензии, где он, впрочем, резко критикует с филологических и синологических позиций формальные и содержательные недостатки работы, признает, что речь идет об исключительном исследовании: «Изложение в высшей степени достойно похвалы: сдержанное, с большим чувством меры и в то же время чрезвычайно живое, увлекательное,

⁸ O. Rosenberg. Arrangement of the Chinese Characters according to an Alphabetical System being the Introduction to a Japanese Dictionary of 8000 Characters and List of 22000 Characters. Tokyo, 1916.

⁹ См. Ю. Д. Михайлова, *op. cit.*, с. 92.

¹⁰ Первым применил ее уже в 1928 г. Всеволод Сергеевич Колоколов (1896–1979) в своем «Кратком китайско-русском лексиконе». После Второй мировой войны система классификации иероглифов Розенберга была применена в вышедшем многими изданиями китайско-русском словаре под редакцией Ильи Михайловича Ошанина, законченное издание которого, «Большой китайско-русский словарь», насчитывает четыре тома (вышел в 1983–1984 гг.). В 1995 г. в издательстве «University of Hawaii» Press вышел составленный Джоном Барлоу на основе словаря Ошанина трехязычный «Chinese-Russian-English Dictionary». См. также: A Pocket Chinese-Russian-English Dictionary: Arranged by the Rosenberg Graphical System by John S Barlow, 2000.

¹¹ Михайлова, *op. cit.*, с. 92.

совершенно необычное для наших диссертаций. Например, теории (*центр* книги) дхарм: без эмоциональных подчеркиваний, без нудного лиризма – превосходный, ровный свет отчетливого понимания. Особенно мне нравится первая часть, где предчувствие откровения обуяло Вас. Написано сильно, стильно, изящно, открыто и просто. В отличие от других диссертаций, часто написанных еле переносимым литературным языком, нагромождающих весь материал без дискриминаций и выбора, с еле прикрытым убожеством и даже отсутствием оригинальной мысли, ваша книга – настоящая находка. Это живая беседа, умная речь, убедительное красноречие». ¹² В заключение Алексеев утверждает: «Этой книге может быть выдан блестящий аккредитив. Будущее, несомненно блестящее, *исследования* имеет уже свое блестящее введение». ¹³

Розенберг и сам не считал свою книгу ничем большим, как введением в разработку своей концепции, в пользу чего говорит и само ее название. За методологическим введением, оформление и техническая сторона печати которого в военных условиях оставляли желать лучшего, должна была последовать основная часть работы – «Абхидхармакхоша» и описание и перевод других важных первоисточников, – которые, однако, в свет не вышли. Но «Введение» Розенберга стало непревзойденным руководством и справочником для нескольких поколений буддологов. ¹⁴

Одним из последних дел Розенберга стала организация буддийской выставки, открывшейся 24 августа 1919 г. в Музее Азии в Петрограде. Тогда еще относительно либеральная культурная политика новых властей

требовала нести в народ достижения науки, и сотрудник музея О. О. Розенберг нашел для исполнения этого распоряжения подходящую форму. С популярными лекциями о буддизме на выставке выступал сам Розенберг и его коллеги С. Ф. Ольденбург (1863–1934), Ф. И. Щербатский (1866–1942), Б. Я. Владимирцов (1884–1931) и В. М. Алексеев (1881–1951). Тексты лекций были изданы отдельной брошюрой.

В своей лекции «О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке» Розенберг в популярной форме рассматривал 15 главных концепций буддизма: теорию дхарм, учение о перерождении, понятия нирваны и сансары, особенности важнейших направлений японских школ буддизма. ¹⁵

Наступила роковая осень 1919 г. Роковая как для Розенберга, так и для России. В сентябре-октябре генерал Юденич повел Северо-Западную армию во второй поход на Петроград, чтобы освободить его от большевиков. Белые части подошли к Петрограду в середине октября, захватив Павловск, где жил Розенберг, однако были вынуждены отступить под натиском красных. После ухода белых из-под Петрограда Розенберг, который был отрезан линией фронта от столицы, больше не появился на своем рабочем месте: ни на восточном факультете Петроградского университета, ни в Русском музее. Коллеги не видели его больше никогда.

Не известно, долго ли зрел план побега, говорил ли он о нем кому-либо из коллег, или план родился внезапно, когда белые покинули Павловск. Как бы там ни было, неожиданное исчезновение Розенберга покрыто завесой тайны, которая после Второй мировой

¹² Возражения О. О. Розенбергу на его магистерском диспуте «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам». Часть I. Лексикографический указатель. Часть II. Проблемы буддийской философии. – Алексеев, В. М. Наука о Востоке. Москва, 1982, с. 350–351.

¹³ Там же, с. 354.

¹⁴ В силу ограниченности места, в данной статье невозможно более подробно рассмотреть буддологическую концепцию и методы буддийской философии О. О. Розенберга. Его работы по буддологии подробно анализировали А. М. Пятигорский (*op. cit.*), А. Н. Игнатович (*op. cit.*) и Т. В. Ермакова (*op. cit.*).

¹⁵ О. О. Розенберг, О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке. Петроград, 1919. Повторное издание вышло в упомянутой книге: О. О. Розенберг, Труды по буддизму. Москва, 1991, с. 18–42. Немецкий перевод: O. Rosenberg. Die Weltanschauung des modernen Buddhismus im fernen Osten. – Materialien zur Kunde des Buddhismus. 6. Heft. Heidelberg, 1924. Три части эстонского перевода, подготовленные под редакцией Линнарта Мяля в середине 1970-х студентами кружка востоковедения ТГУ, опубликовала газета «Sõnumitooja» (см. прим. 2).

войны, очевидно, с целью рассеять подозрения о возможном сотрудничестве с белыми, была подкреплена официальной легендой о смерти ученого в Павловске 26 сентября, то есть до появления Северо-Западной армии на подступах к столице.

Впервые мы встречаем эту дату в IV томе изданной в 1967 г. «Философской энциклопедии»¹⁶. То же утверждает в своей основательной биографической статье о Розенберге Ю. Михайлова: «Но именно в это время, когда ученый был полон творческих замыслов, его жизнь внезапно оборвалась. Он умер 26 сентября 1919 г. от сыпного тифа, которым заразился во время наступления войск Юденича на Петроград».¹⁷ Со ссылкой на Михайлову дата 26 сентября 1919 г. кочует из статьи в статью.¹⁸ Лишь А. Пятигорский высказывает три различные версии о судьбе Розенберга: «Поздней осенью 1919 г. он исчез из Петрограда навсегда. [...] Имеется несколько версий о смерти Розенберга. Согласно одной из них, он утонул, катаясь на лодке в Финском заливе; согласно другой – умер около 1921 г. на Дальнем Востоке (от простуды или тифа); согласно третьей (документально более подтвержденной), скончался от скарлатины в Павловске в 1920 г.»¹⁹

Странно, что авторы, имевшие доступ к ленинградским архивам, где имеются многочисленные данные о последних петроградских неделях Розенберга, из которых следует, что в середине октября он был по крайней мере жив (см. ниже), очевидно игнорируют вышедший в начале двадцатых годов некролог, в котором указана дата смерти Розенберга – 26 ноября 1919 г. Его учитель и ближайший коллега Ф. И. Щербатский пишет в вышедшем в 1924 г. на немецком языке биографическом наброске: «Во время наступления на Петроград войск генерала Юденича Розенберг, находясь в то время в Павловске, где он жил, потерял вся-

кую связь с осажденным городом. Когда Белая армия отступала, Розенберг был вынужден просить убежища сначала в Эстонии, а затем в Финляндии. Далее он собирался отправиться в Японию через Америку, чтобы продолжить там свою работу. Но вследствие перенесенных трудностей и тяжелых переживаний он заболел скарлатиной и скончался 26 ноября 1919 г.»²⁰ То же подтверждается в предисловии к немецкому изданию книги «Проблемы буддийской философии», где местом смерти назван Таллинн.²¹ В вышедшем в 1922 г. некрологе Розенбергу Сергея Ольденбурга слышна сильнейшая душевная боль и скорбь по безвременно ушедшему коллеге, однако о времени смерти автор молчит: «Но жестокая судьба, которая не раз уже наносила жесточайшие удары русской науке, не пощадила ее и на этот раз. В самом разгаре работы, которую молодой ученый вел геройски в тяжчайших условиях холода, голода, непосильного физического труда, оборвалась эта драгоценная жизнь и, мало того, даже рукописи и книги не были пощажены: с величайшими усилиями удалось спасти лишь разгромленные остатки этого драгоценнейшего научного достояния и многое из того, что можно было бы окончить из начатых им работ, погибло теперь навсегда жертвою нашей дикости и темноты. Поистине, не умеем мы хранить драгоценнейшее из того, что сами же создаем, создаем часто только, чтобы сейчас же бессмысленно разрушить».²²

* * *

Лично я столкнулся с вопросами, связанными с жизнью и смертью Розенберга, еще студентом, в начале восьмидесятых. Сначала и для меня оставался непонятным вопрос о датировке его смерти. Когда в начале 1988 г., непосредственно после выхода в «Проблемах Дальнего Востока» вышепроцитированной статьи Ю. Михайловой о Розенберге, я совершенно случайно обнаружил в Государственном архиве Эстонии (ERA) некоторые документы об имевшей место в конце октября – начале ноября 1919 г. переписке между правительственными учреждениями Эстонии и Северо-Западной Россией о прибытии Розен-

¹⁶ Философская энциклопедия, с 517.

¹⁷ Ю. Д. Михайлова, *op. cit.*, с. 95.

¹⁸ См. напр. А. Н. Игнатович, *op. cit.*, с. 7; Китайская философия, с. 261.

¹⁹ А. Н. Пятигорский, *op. cit.*, с. 424.

²⁰ Stcherbatsky, *op. cit.*, с. 47.

²¹ Die Probleme..., с. III.

²² С. Ольденбург, *op. cit.*, с. 158.

берга в Эстонию (см. Приложение), уже само это свидетельствовало против официальной версии его смерти. Факт смерти Розенберга 26 ноября 1919 г. в Таллинне подтверждается по крайней мере двумя некрологами в Таллинских газетах того времени: в номере за 1 декабря немецкой газеты «Revaler Bote»²³ и в номере за 28 мая 1920 г. русской газеты «Свобода России»²⁴.

Анонимный некролог в «Revaler Bote» звучит так:

«Профессор Отто Розенберг умер. В субботу проводили его на кладбище Копли в последний путь.

При отступлении Северо-Западной армии он с супругой пешком ушел из Павловска в Гатчину, откуда через Нарву добрался до Таллинна. Здесь он заболел скарлатиной, и его ослабленный недоеданием и перенесенными в дороге лишениями организм не смог справиться с болезнью. 26 ноября в 7 часов вечера он покинул нас. Ему был всего 31 год, слишком рано для всех, кто знал его в ежедневной жизни и работе.

В лице профессора Розенберга наука потеряла настоящего ученого с гениальными духовными талантами. Его специальностью были, главным образом, восточные языки. Благодаря своему феноменальному языковому дарованию он сумел проникнуть настолько глубоко в дух языка, что изобрел систему письменности китайского и японского, которая позволяет существенно упростить их исключительно сложный письменный аппарат. Это его последнее большое открытие пока еще не нашло практического применения. Смерть настигла его на середине неустанного и столь успешного для такого юного возраста труда.

Он изучал не только восточные языки, но и посвятил много времени истории культуры

и исследованию буддийской религии. Будучи в Японии, профессор Розенберг нашел доселе не известные науке рукописи, в которых учение Будды изложено в пока еще не известной чистой форме, а проблемы Будды просматриваются в совершенно новом свете.

Исходя из этих новых позиций, он написал свою большую работу о буддизме на русском языке, которая из-за революции была опубликована лишь в сокращенном виде. Профессор Розенберг собирался издать свой труд в полном объеме и на немецком языке.

Относительно внешней биографии усопшего скажем, что Р. родился в 1888 г. в Фридрихштадте, по окончании (с золотой медалью) гимназии при церкви Святой Екатерины поступил в Петербургский университет, где изучал восточные языки. После серьезной учебы в Бонне и Берлине его откомандировали в Японию. За время четырехлетнего пребывания в Японии была проделана большая научная работа, за которую в 1918 г. ему была присвоена сразу магистерская и докторская степени. Помимо должности доцента Петербургского университета, Розенберг работал хранителем отдела Восточной Азии музея Александра III и являлся членом географического общества».

Культурологически гораздо более интересна вышедшая через полгода после смерти Розенберга в Таллинской газете русских эмигрантов «Свобода России» статья студента Розенберга Алексея Алексеевича Баиова (1899–1923), который там же называет себя единственным учеником и продолжателем дела Розенберга.²⁵

К биографическим данным о Розенберге статья ничего не добавляет. Более подробно Баиов останавливается на работах Розенберга и методе исследования буддийской философии, о чем выше уже вкратце говорилось.²⁶

²³ Professor Otto Rosenberg †. – Revaler Bote. № 26, Montag, den 1. Dezember 1919.

²⁴ А. А. Баиов, Русская наука. О. О. Розенберг. – Свобода России. № 116, 28 мая 1920 г. На обе статьи еще прежде Линнарта Мялля обратил внимание эстонский литературовед Рейн Круус (Rein Kruus, 1957–1992).

²⁵ Краткий очерк о жизненном пути этого также преждевременно умершего талантливого поэта вместе с его поэмой «Грядущая Цусима» опубликован С. Г. Исаковым в книге: Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940. Таллинн, 2002, с. 62–68.

²⁶ Неделю спустя там же вышла вторая статья Баиова: Русская наука. Восточная филология. (Свобода России. № 121, 3 июня 1920 г.), в которой автор, помимо Розенберга, кратко знакомит с работами других известных в то время ориенталистов – сиолога В. М. Алексеева, японоведа С. Г. Елисеева, египтолога Б. А. Тураева и др.

О смерти Розенберга и о себе самом он пишет так:

«Наступление Юденича на Петроград вырвало О. О. Розенберга из его обычной рабочей обстановки. Проживая в Павловске, он принужден был уйти вместе с отступающей армией, – уйти лишь для того, чтобы в момент расцвета своей научной деятельности, никому неизвестным, скончаться. В Нарве (*sic!*) он заболел скарлатиной. Истощенный организм не выдержал, – и уже после того, как болезнь прошла, его постиг паралич сердца.

Великую утрату понесла не только русская, но и всемирная наука в лице почившего проф. О. О. Розенберга. У него был лишь один ученик, – ученик, который в настоящее время считает своим долгом продолжать начатое О. О. Розенбергом великое дело не только воссоздания гениальной философской системы, но и привести эту систему в соприкосновение с философскими системами Запада».

В том же 1988 г. и позже я пытался найти дополнительные документы или свидетельства о прибытии Розенбергов в Эстонию и о смерти О. О. Розенберга в Таллинне, однако ни в книгах регистрации смертей Таллинского городского архива, ни в фондах Государственного архива (ERA) – архивных документах министерства иностранных и внутренних дел Эстонской Республики – в рассматриваемый период (ноябрь 1919 г.) имя Розенберга не значится. Это можно объяснить неполнотой и беспорядочностью соответственных материалов этого периода.

Единственное косвенное свидетельство возникает с появлением в списке желающих выехать из Эстонии имени Эльфриды Розенберг (очевидно, супруги Отто Розенберга). Это имя фигурирует в письме номер 7484 па-

спортного отдела министерства иностранных дел от 10 декабря 1919 г. в отдел извещений Генерального штаба.²⁷ Поскольку и Копли-ского кладбища, на котором, по сообщению «Revaler Bote», был похоронен Розенберг, уже больше полувека не существует, очевидно, нет никакой надежды найти его могилу – если она вообще когда-нибудь была обозначена каким-либо именем надгробием.

Наконец, хочу сослаться на еще одно весьма своеобразное, уникальное исследование, проведенное в отношении Оттона Розенберга американским врачом и синологом Джоном Барлоу (John Barlow), автором вышеуказанного «Китайско-русско-английского словаря» (см. прим. 10). Само это исследование, насколько мне известно, из печати пока еще, к сожалению, не вышло. Английская рукопись под названием «Загадочная история блистательного молодого русского ориенталиста»²⁸, попала ко мне в середине 1990-х гг. от Линнарта Мялля, получившего рукопись прямо от автора, с которым Мялль прежде неоднократно встречался и обсуждал возможные обстоятельства смерти Розенберга.

Приступив в середине 1980-х гг. к созданию английского словаря на основе китайско-русского по графической системе Розенберга, Барлоу настолько заинтересовался жизнью и таинственными обстоятельствами смерти изобретателя этой гениальной системы, что приступил к самостоятельному длившемуся десять лет расследованию того, что же на самом деле случилось с Розенбергом осенью 1919 г.

С настойчивостью и последовательностью детектива Барлоу посещал библиотеки и архивы, встречался с десятками людей, изучал любые, порою весьма фантастические версии²⁹ и, наконец, пришел к заключению

²⁷ ERA, ф. 957, оп. 16, д. 21.

²⁸ J. S. Barlow. The Mysterious Case of the Brilliant Young Russian Orientalist. Copyright Co 1995 by John S. Barlow. (Рукопись, 51 с.) Сейчас весь текст, кстати, доступен и в электронном журнале: Bulletin of the International Association of Orientalist Librarians (IAOL), No. 41/42–44: <http://wason.library.cornell.edu/iaol/bulletin.htm>

²⁹ Среди исследованных Барлоу гипотез, которые под давлением фактов пришлось все же отменить или которые не нашли подтверждения, было, например, возможное родство Отто Розенберга (братья?) с родившимся в Таллинне известным идеологом нацизма Альфредом Розенбергом (Alfred Rosenberg, 1893–1946) (с. 14); и выдвинутая Линнартом Мяллем гипотеза об идентичности Розенберга, чья смерть в ноябре 1919 г. могла быть инсценирована, с начавшим в 20-х годах, то есть в весьма зрелом возрасте, свою научную карьеру немецким буддологом Вальтером Либенталем (Walter Liebental, 1886–1982) (с. 12–19); и участие Розенберга в качестве министра просвещения в правительстве Северо-Западной России (с. 41–42).

(будучи знаком лишь со статьей Баиова и не зная публикующихся здесь впервые архивных документов и некролога в «Revaler Bote»), что Розенберг действительно бежал осенью 1919 г. из Павловска, по дороге заболел и умер 26 ноября в Таллинне. Его жена Эльфрида направилась далее в Финляндию, где жила до смерти в 1956 г., ведя в начале 1920-х гг. переписку с Ф. И. Щербатским и переводя на немецкий язык главное произведение своего мужа «Проблемы буддийской философии» (см. прим. 6).

Самой ценной частью работы Барлоу является, безусловно, то, что он приводит многочисленные архивные документы, которые русские (советские) биографы Розенберга, очевидно, игнорировали. Это, например, четыре письма Эльфриды Розенберг Ф. И. Щербатскому, отправленные из Финляндии с 25 апреля по 28 мая 1923 г., в которых обсуждаются главным образом вопросы, связанные с переводом и изданием «Проблем буддийской философии». Впрочем, упомянуто, например, и об отправке денег матери Розенберга.³⁰

Невозможно также представить, что более ранним исследователям были неизвестны архивные документы отдела рукописей Русского музея, на которые ссылается Барлоу, в которых указывается, что Розенберг работал там с 11 сентября 1918-го по 12 ноября 1919-го.³¹ Из них мы узнаем также, что 4 октября Розенберг вернулся из двухнедельного отпуска на работу в этнографический отдел Русского музея. Далее, 16 октября датировано заявление Розенберга заведующему музея с просьбой о выдаче ему нового удостоверения личности, так как старое было украдено. Следующий документ о прекращении выплаты зарплаты Розенбергу датирован 20 октября 1919 г. А 25 октября был издан уже новый приказ о прекращении задним числом (20 октября) работы Розенберга в музее. И,

наконец, с 12 ноября 1919 г. Розенберг из-за отсутствия на работе без всяких объяснений был отстранен от должности сотрудника Русского музея с 20 октября и уволен.³²

Так или иначе, указанные Барлоу документы однозначно доказывают, что Розенберг ни в коем случае не был мертв 26 сентября, а прожил по крайней мере до 16 октября 1919 г. и ходил на работу в Русский музей.

Сопоставляя хронологию похода Юденича и хронологию прекращения рабочих отношений Розенберга и Русского музея, мы находим между ними очевидную связь.

20 октября белые захватывают Царское Село и Павловск и выбивают красных на Пулковские высоты.

В тот же день Русский музей приостанавливает выплату Розенбергу зарплаты.

23–25 октября красные отвоевывают Царское Село и Павловск.

25 октября приостанавливается работа Розенберга в музее.

14 ноября белые оставляют Ямбург.

За два дня до этого Розенберга окончательно увольняют из Русского музея.³³

На основании приведенных ниже документов Государственного архива Эстонии (ERA) хронологию жизни Розенберга можно дополнить.

28 октября в лагере беженцев в Ямбурге он пишет заявление на имя министра просвещения Северо-Западной России, которое с сопроводительным письмом от 8 ноября переправляется в Министерство образования Эстонии, где регистрируется 10 ноября.

12 и 13 ноября Министерство образования Эстонии направляет в Министерство иностранных дел и штаб Первой дивизии письма с просьбой разрешить Розенбергу и его жене въехать в Эстонию. Вероятно, Розенбергам пришлось уйти из Ямбура вместе с отступающими белыми войсками не позднее 14 ноября. Из-за отсутствия документов точную хронологию их прибытия в Эстонию и нахождения в Таллинне восстановить не удастся. В отношении дальнейшего можем лишь добавить еще несколько известных дат: вечер 26 ноября – смерть Розенберга в Таллинне; 29 ноября, по данным «Revaler Bote», погребение на кладбище Копли.

³⁰ Цитированные по Барлоу, *op. cit.*, с. 31–33, письма находятся в Петербурге в Архиве Российской Академии Наук в собрании Щербатского (ф. 725, оп. 3, д. 185).

³¹ По Барлоу: ф. 10, д. 389.

³² Barlow, *op. cit.*, с. 34.

³³ Там же, с. 43.

Приложения

Документ № 1

Машинописная копия заявления профессора Петроградского университета Оттона Оттоновича Розенберга его превосходительству господину министру народного просвещения Северо-Западного Российского правительства от 28 октября 1919 г. на русском языке на двух страницах; идентичность копии оригиналу заверена подписью (к сожалению, неразборчивой) и печатью консульского отдела министерства иностранных дел Северо-Западной России.

(ERA, ф. 1108, оп. 5, д. 9, л. 64–64 об.)

Его Превосходительству Господину Министру Просвещения Северо-Западного Российского Правительства.
Профессора Петроградского Университета Оттона Оттоновича Розенберга

Заявление

Имею честь известить Ваше Превосходительство, что я бежал из большевистского плена во время взятия Павловска и Царского Села белыми войсками и в настоящее время нахожусь в лагере беженцев в Ямбурге, исполненный желанием по мере сил и возможности служить вновь создавшемуся Российскому Правительству.

Сообщаю следующие о себе данные: родился 7 июля 1888 г., лютеранского вероисповедания; окончил курс факультета Восточных языков по санскритско-китайскому разряду в 1910 г., слушал лекции проф. Якоби в Боннском университете, а курс японского языка в Семинарии Восточных Языков в Берлине; был командирован в Японию в 1912 г., вернулся в Петроград в конце 1916 г.; в звании приват-доцента был утвержден с 1 января 1917 г., за это время я напечатал: 1) Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам, часть первая, Токио 1916; 2) Пособие по изучению японского идеографического языка, Токио 1917; 3) Проблемы буддийской философии, Петроград 1917. Эта последняя работа была представлена мною в качестве магистерской диссертации; после публичного диспута я был удостоен за неё степени доктора японской словесности.

Состою профессором японской словесности при факультете Восточных языков при Петроградском университете, помощником хранителя Этнографического Отдела Музея Александра III, научным сотрудником Российской Академии Наук; членом Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии, членом Археологического и Географического общества.

Предлагая свои услуги в работах, связанных с моей специальностью, а также в работах по делу народного просвещения вообще, честь имею просить Ваше Превосходительство в том случае, если бы Министерство Народного Просвещения в настоящее время в моих услугах не нуждалось, дать мне и бывшей вместе со мной Эльфриде Юрьевне Розенберг возможность выехать из Ямбурга в Финляндию, где я имею родственников, чтобы отдохнуть от тяжелых переживаний истекших двух лет, в ожидании возможности вернуться в Петроград к исполнению текущих служебных обязанностей.

О. Розенберг.

Ямбург, 28 октября 1919 г.

Мой адрес: Ямбург, Комитет беженцев Павловска.

С подлинным верно:

[Печать: Министерство Иностранных Дел Северо-Зап. России, Консульский Отдел]

[Подпись]

Документ № 2

Письмо начальника консульского отдела Министерства иностранных дел Северо-Западной России министру образования Эстонской Республики от 8 ноября 1919 г. за номером 852, на французском языке, на одной странице; зарегистрировано в министерстве образования 10 ноября 1919 г. за номером 14594; снабжено резолюцией на эстонском языке 12 ноября 1919 г., которая завизирована Й. Картау (?).

(ERA, ф. 1108, оп. 5, д. 9, л. 63)

Документ № 3

Перевод предыдущего письма на эстонский язык, на одной странице, без реквизитов. Стилль не изменен.

(Там же, л. 56)

Господин Министр,

Давний профессор японского языкознания факультета восточных языков Петроградского университета, г-н Розенберг, обратился к министерству образования моей губернии с просьбой представить ему место в этой области.

Министерство, не имея в настоящее время возможности выполнить просьбу г-на Розенберга, просит меня достать разрешение профессору и его супруге на поездку в Финляндию.

Зная о намерениях Эстляндской губернии и особенно Вашего министерства в отношении Тартуского университета, считаю своим долгом сообщить о просьбе профессора Розенберга Вам, до того как предпринять необходимые для его отъезда в Финляндию шаги. Обращаюсь к Вам в надежде, что Вы изыщете возможность оказать помощь профессору Розенбергу, чтобы он мог продолжить свою научную и педагогическую работу под защитой Эстонской Республики и с ее материальной поддержкой.

В надежде, что Вы вскоре сообщите мне о вашем решении, остаюсь со всем уважением

Резолюция на французском письме:

Сообщить через министерство иностранных дел российскому министерству образования, что в Тартуском университете сейчас отсутствует кафедра восточных языков и литературы.

12. XI.19 подпись

Документ № 4

Машинописная копия письма министра образования Министерству иностранных дел на эстонском языке на одной странице от 13 ноября 1919 г. за номером 14497.

(Там же, л. 66)

МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Министерство образования просит Вас в ответ на письмо министерства образования Северо-Запада России № 852 от 8 ноября 1919 г. сообщить, что в Тартуском университете сейчас отсутствует кафедра восточных языков и литературы, вследствие чего, к сожалению, невозможно пригласить проф. Оттона Розенберга на место профессора Тартуского университета.

Министр образования:

Секретарь:

Документ № 5

Машинописная копия письма министра образования командиру Первой дивизии, на эстонском языке, на одной странице, от 12 ноября 1919 года за номером 14516.

(Там же, л. 67)

КОМАНДИРУ ПЕРВОЙ ДИВИЗИИ

Прошу дать разрешение проф. Отто Розенбергу на проезд в Тарту и Таллинн для переговоров о месте профессора университета и взять на это время с собой супругу.

Министр образования:

Секретарь:

Мярт Ляэнеметс

1962

Магистр исторических наук (1999).

Научный сотрудник центра ориенталистики Тартуского университета.

Область исследований: синология, буддология.

mart_laanemets@yahoo.com